

ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ В РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
НАУЧНЫЙ СОВЕТ РАН ПО КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГИИ,
СРАВНИТЕЛЬНОМУ ИЗУЧЕНИЮ ЯЗЫКОВ И ЛИТЕРАТУР

А. Б. Черняк

ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ В РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

*свидетельства древних авторов
и раннероманских глоттонимов*

Нестор-История
Санкт-Петербург
2015

УДК 811.13
ББК 81.2

Черняк А. Б. Языковая ситуация в Римской империи: свидетельства древних авторов и раннероманских глоттонимов. – Санкт-Петербург: «Нестор-История», 2015. – 176 с.

ISBN 9-785-4469-0370-2

*Утверждено к печати
Институтом лингвистических исследований РАН*

ИЗДАНИЕ ОСУЩЕСТВЛЕНО ПРИ ФИНАНСОВОЙ ПОДДЕРЖКЕ
гранта № НШ-2417.2014.6 Президента РФ
«Школа индоевропейского сравнительно-исторического языкознания»
(рук. Н. Н. Казанский)

В книге исследуется круг вопросов, связанных с проблематикой реконструкции общероманского состояния на основе разбора разнообразных свидетельств древних авторов и анализа глоттонимов (названий языков). Главной целью работы стала датировка языкового сдвига в латинском языке, пусть приблизительная и частная, но ориентированная на каждый конкретный случай (т. е. на историю того или иного глоттонима). Хотя сопоставление этих датировок не дает окончательного ответа на поставленные вопросы, оно важно само по себе для определения пути их решения, а также поучительно и показательно с точки зрения лингвистического анализа.

Книга рассчитана на широкий круг читателей, включая историков, филологов, специалистов по романскому языкознанию и социолингвистике.

ISBN 9-785-4469-0370-2

9 785446 903702

© А. Б. Черняк, 2015
© ИЛИ РАН, 2015
© Редакционно-издательское оформление.
Издательство «Нестор-История», 2015

Памяти Наталли

∞ Предисловие ∞

Эта книга, как я надеюсь, будет первой частью исследования круга вопросов, связанных с проблематикой реконструкции общероманского состояния. Она носит, естественно, предварительный характер, пытаясь осветить процесс эволюции общероманского путем разбора свидетельств древних авторов (I) и анализа глоттонимов – но не всех многочисленных названий нового языка, а лишь наиболее распространенных и наиболее популярных (II–VI). Большую услугу в этом мне оказала социолингвистическая монография Р. Мюллера (2001), рецензию на которую я привожу во второй части (IX). Первую часть завершает знаменитая хронололгия латыни Исидора Севильского (VII).

В *Parerga* собраны попутные исследования: статья об основанных на хронологии Исидора фантазиях Виргилия Марона (VIII), несколько курьезный этюд о *Graeci* в Аквитании (X) и обзор той части *Praefatio* Дюканжа, которая явилась основой современной романистики (романского вопроса). В Приложении я перепечатаваю свою замененную в 2011 г. статью о *lingua Romana*: мне кажется справедливым, если этот сборник работ разных лет будет открываться и завершаться моими первыми по времени этюдами.

Я не касаюсь в этих главах проблематики непосредственно реконструкции, но должен заявить с самого начала, что в романском вопросе, т. е. в вопросе о происхождении романских языков принадлежу к оппозиции («сепаратистам»), утверждающей, что между романскими языками и латынью существовал некий промежуточный язык (язык-основа, пра-, прото-, общероманский и т. д.). В ряде работ, начиная с 80-ых гг., я довольно четко обозначил эту свою позицию, см. Черняк 1984аб, 1985, 1987, 1993, 2011а (= гл. II), 2005а (= гл. V), 2006 (= гл. VII), 2013 (фактически 1987) и т. д.

Соответственно главной целью почти всех собранных здесь исследований неизбежно оказывается – своего рода скры-

тая полемика с оппонентами! – датировка языкового сдвига, пусть приблизительная и частная, т. е. ориентированная на каждый конкретный случай (историю того или иного глоттонима и т. д.). Сопоставление этих датировок тоже не даст нам окончательного ответа (его даст сама реконструкция), но оно, как мне кажется, будет по-своему важным, поучительным и показательным.

Важность исследования раннероманских глоттонимов ученые поняли давно. Уже в 1816 г. В. Ваксмут (1787–1866), будущий профессор истории в Лейпциге (с 1825 г.) связывал время окончательного угасания латыни (т. е. дату языкового сдвига) с появлением названия *Romanzo* (Wachsmuth 1816: 283). Этот вопрос освещается во всех введениях в романскую филологию; по каждому глоттониму существует научная литература, порой весьма значительная. Но монографическое исследование на эту тему появляется впервые.

Часть I

Свидетельства языкового сдвига

Глава I

*Языковая ситуация в Древнем Риме: сообщения древних авторов**

Как известно, в настоящий момент мы являемся свидетелями все более и более возрастающего интереса к общероманской реконструкции: публикация «Сравнительной грамматики романских языков» Р. Холла (Hall 1974; 1976; 1983), перепечатка в посвященном возникновению романских языков томе серии *Wege der Forschung* уругвайского спецкурса Е. Косериу (Coseriu 1954)¹, наконец, даже отчаянная попытка польского лингвиста В. Манчака доказать, что романские языки восходят не к вульгарной, а к классической латыни и что никакого романского праязыка никогда не существовало (Mańczak 1977)², – все это является бесспорным свидетельством намечающегося долгожданного поворота и, вероятно, пройдет не так много времени и мнение, что романские языки произошли не из латыни, станет столь же общепризнанным и само собой разумеющимся, каким оно было в XVIII и первой трети XIX в. Несомненно, на этом участке пути компаративистам придется преодолеть немало трудностей, перед которыми отступили такие

* Доклад, прочитанный 5 декабря 1980 г. на «Чтениях памяти профессора И. М. Тронского». Эта однодневная конференция, в организации которой принимали участие под эгидой чл.-корр. АН СССР А. В. Десницкой А. В. Грошева и автор этих строк, проходила в конференц-зале Пушкинского дома, что объясняет появление в моих рассуждениях няни поэта Арины Родионовны. Текст подвергся лишь в первом разделе (Цицерон) значительной правке; добавлены примечания.

¹ См. немецкий перевод в: Kontzi 1978.

² Я бы добавил сейчас к этому списку регулярно проводимые раз в три года начиная с 1985 г. коллоквиумы по вульгарной и поздней латыни: *Latin vulgaire – latin tardif*.

ученые как Фридрих Диц, Гуго Шухардт и Вильгельм Мейер-Любке. Одну из них мы попытаемся осветить в настоящей статье.

Речь идет о том, что если принять тезис о существовании двуязычия латынь – романский в Риме уже, скажем, в I–III вв. н. э. – а к этому ведет нас всякий раз стремление определить происхождение общих всем или многим романским языкам явлений – таких как порядок слов, артикль, аналитические конструкции и т. д. – естественно возникает вопрос, что думали на этот счет современники и очевидцы этой языковой дифференциации, римские писатели и римские грамматиканы? При всем подчеркнуто-пренебрежительном снобизме римской культурной элиты по отношению к проживавшим в Риме и Италии иноземцам или к состоящему наполовину из бывших рабов, т. е. тех же иноземцев, плебсу, к их языку, их культуре и нравам, оставаться безучастными к происходящей вокруг них повседневной деградации латыни – а чем была для образованных римлян романская койне, как не искаженной, «испорченной» латынью? – они, разумеется, не могли. Их саркастические фразы или мимоходом оброненные замечания представляют для историка-романиста огромную ценность: в самом деле, ни одна общая работа по романской филологии не обходится без цитат из Цицерона, Квинтилиана и бл. Иеронима. Как это ни странно, полного корпуса этих драгоценных свидетельств до сих пор нет³, хотя отдельные пассажи были введены в научный обиход итальянскими гуманистами, т. е. уже в середине XV в. В данной работе мы оставим в стороне те места из авторов, где отмечаются фонетические и лексические особенности повседневной речи, и сосредоточимся на высказываниях более общего характера, охватывающих период от I в. до н. э. до V в. н. э.

I. Первым из выбранных нами шести авторов будет Цицерон, представляющий период конца республики. Какова была лингвистическая ситуация в это время? Можно ли говорить о билингвизме уже для I в. до н. э.? Из сочинений Цицерона этого вывода не следует, и мы можем доверять его свиде-

³ Сегодня в нашем распоряжении есть монография Браччини (Braccini 1980), но она охватывает только позднюю латынь. Для предшествующего периода см. Reichenkron 1965.

тельству, так как он был весьма внимательным наблюдателем. Наш общероманский еще находился на таком низком социальном уровне, что оказался вне поля зрения великого римского оратора, который, разумеется, интересовался не языком улицы, не речью обитателей инсул, а латынью форума и высшего общества. Тем не менее, поразительно, что уже Цицерон, сам столь много сделавший для римской литературы и живший в период, который мы именуем золотым веком римской словесности, жалуется на упадок: по его мнению, хорошо говорили на латыни в далекие времена Сципиона Африканского и Катона Старшего, т. е. на рубеже III и II вв. до н. э. С тех пор из-за притока иностранцев латинская речь, как, впрочем, и греческая, утратила свою чистоту:

1. Cic. Brutus 74 (258), ed. A. E. Douglas. Oxford 1966: *omnes tum fere* (sc. во времена Сципиона Старшего) *qui nec extra urbem hanc vixerant neque eos aliqua barbaries domestica infusca-verat, recte loquebantur. Sed hanc certe rem deteriorem vetustas fecit et Romae et in Graecia. Confluxerunt enim et Athenas et in hanc urbem multi inquinate loquentes ex diversis locis* (разрядка наша). *Quo magis expurgandus est sermo et adhibenda tamquam obrussa ratio, quae mutari non potest, nec utendum pravissima consuetudinis regula* ‘...тогда почти все, кто не жил вдали от Рима и чью речь не испортило какое-нибудь местное варварское наречие, говорили правильно. Но, конечно, с течением времени речь становилась хуже как в Риме, так и в Греции. Ибо как в Афины, так и в наш город стекались из разных мест люди, говорящие неправильно. Оттого и почувствовалась необходимость очистить язык и пережечь его на огне неизменных правил, а не следовать искаженным обычаям общего употребления’ (пер. И. В. Стрельниковой, Цицерон 1972: 310).

«Брут» написан в марте – апреле 46 г. до н. э. За три года до смерти (7 декабря 43 г.) великий римский оратор требовал кодификации латинского языка и неукоснительного следования правилам⁴. Не сразу и не во всем, но его призыв был услышан.

⁴ Ср. письмо к Папирию Пету, датируемое серединой октября того же года: Cic. Ep. ad fam. IX, 15, 2: *Ego autem... mirifice capior facietis, maxime nostratibus, praesertim cum eas videam primum oblitas Latio* (см. Приложение) *tum, cum in urbem nostram est infusa peregrinitas, nunc*

На рубеже новой эры римские грамматиканы через школу смогли остановить целый ряд процессов, грозивших разрушить структуру латыни: отпадение конечного *-s*⁵, аналитическое прошедшее с *habeo*⁶ (исчезает после Ливия) и т. д.

II. Более чем сто лет спустя, в конце I в. н. э., на этом же условии (чистота речи) будет настаивать другой специалист по ораторскому искусству, М. Фабий Квинтилиан. Для его выполнения он рекомендует, прежде всего, позаботиться о кормилицах:

1. Quint. instit. or. I, 1, 4: *Ante omnia, ne sit vitiosus sermo nutricibus* ‘Прежде всего пусть будет правильной речь кормилиц’.

Оказывается, если у мальчика была неподходящая кормилица, то в дальнейшем ему очень трудно будет избавиться от приобретенных в младенчестве дурных речевых навыков. Невольно приходит на ум пушкинская Арина Родионовна, которая, вероятно, не Бог весь как грамотно говорила по-русски, однако родителей Пушкина это почему-то ни капельки не смущало: они

vero etiam braccatis et transalpinis nationibus, ut nullum veteris leporis vestigium appareat ‘Меня же ...удивительно увлекают шутки и сильнее всего отечественные, особенно когда я вижу, что они были забыты в Лации – сначала тогда, когда в наш город была влита иноземщина, а теперь даже носящие штаны и заальпийские народы, так что не видно и следа бывшего остроумия’ (Горенштейн III: 38). Речь идет о 90 г., когда было даровано римское гражданство латинам и союзникам и о недавнем законе Юлия Цезаря, давшим те же права жителям Заальпийской Галлии (*Gallia braccata* и *Gallia comata*). В этом пассаже Цицерон отмечает не столько примитивность латинской речи новых римских граждан, сколько влияние этой примитивности на речь самих римлян. Ср. еще De orat. III, 44 (55 г. до н. э.): *quare cum sit quaedam certa vox Romani generis urbisque propria ... hanc sequamur, neque solum rusticam asperitatem, sed etiam peregrinam insolentiam fugere discamus* ‘Итак, существует определенный говор, свойственный римскому народу и его столице... Этот говор мы и усвоим, стараясь избегать не только мужицкой грубости, но и чужеземных особенностей’ (пер. Ф. А. Петровского, см. Цицерон 1972: 213).

⁵ Тронский 1960/2001: 113–114, § 220; Cic. Or. 161. Это, пожалуй, подойдет как пример упомянутой Цицероном (см. предыдущее примечание) *rustica asperitas*.

⁶ А это явный пример *peregrina insolentia*: ведь аналитические конструкции с «иметь», как известно, это кальки с греческого.

заботились только о том, чтобы у детей были французские бонны и французы-гувернеры, т. е. чтобы они с рождения слышали правильную французскую речь (и действительно, в Лицее одним из прозвищ Пушкина было «француз»). Напрашивается сравнение (или уравнение): латинский в Риме конца I в. н. э. = французский в Москве в начале XIX в.

Что можно вывести из нашего несколько парадоксального рассуждения? Вероятно, то, что латинский был языком элиты, а не простого народа. О речи простолюдинов Квинтилиан был очень невысокого мнения:

2. *ibid.* I, 6, 45 *nam ut transeam, quem ad modum vulgo imperiti loquantur, tota saepe theatra et omnem circi turbam exclamasse barbare scimus* ‘Я уж не буду останавливаться на том, как говорят на улице (?) необразованные люди: мы знаем, как нередко орут на жаргоне целые театры и вся масса зрителей в цирке’.

Молодой Тацит в своем написанном примерно в это же время «Диалоге об ораторах» с ужасом упоминает об «отвратительных и постыднейших коллоквиализмах», появляющихся в речах некоторых современных ораторов:

3. *Tac. dial.* 32, 3: *...huius quoque cotidiani sermonis foeda ac pudenda vitia*⁷.

Отсюда можно заключить, что противостояние повседневной речи (*sermo cotidianus*) и литературного языка было в то время уже весьма ощутимым – даже у адвокатов, т. е. у образованных людей. Об этом же говорит в своем постоянно цитируемом пассаже Квинтилиан:

4. *Quint. inst. or.* XII, 10, 43: *mihi aliam quamdam videtur habere naturam sermo vulgaris, aliam viri eloquentis oratio* ‘Помоему, у языка обыкновенного какая-то одна сущность, а у речи совершенного оратора – другая’ (цит. по Бурсье 1952: 33).

В этом высказывании при некотором желании можно усмотреть указание на двуязычие. В самом деле, почему Квинтилиан выражается здесь столь туманно? Цицерон очень просто, не задумываясь, определял, в чем именно состоит «плебейский язык» (*plebeius sermo*) его писем: он сплетал их из повседневных,

⁷ Редко цитируется, но см.: Х. Михэеску (Mihăescu 1960: 47, § 22).

обиходных слов⁸. Квинтилиан, разумеется, прекрасно знал это место из переписки Цицерона и его недомолвки показывают, что в его время расхождения уже не сводились к одной лишь лексике.

III. От II и III в. н. э. у нас нет свидетельств о языковой ситуации, так что мы вынуждены перейти от Тацита к бл. Иерониму. У последнего мне кажется наиболее примечательным то место из письма к Лете, некоей знатной римской даме, где говорится о воспитании ее маленькой дочери. Та же тема, что и в трактате Квинтилиана – *eruditio puerorum* – и Иероним, обладавший огромной начитанностью и прекрасной памятью, почти дословно повторяет рекомендации своего предшественника, но с довольно существенными изменениями. Уже не встает вопрос о кормилицах – видимо, нет больше таких кормилиц, которых еще можно было найти во времена Флавиев – и поэтому обучение «родному языку» начинается с самого нежного возраста:

1. Hier. ep. 187, 9: *sequatur statim et Latina eruditio; quae si non ab initio os tenerum composuerit, in peregrinum sonum lingua corrumpitur et externis vitiis sermo patrius sordidatur.*

Откуда могли возникнуть «иноземные пороки» (*externa vitia*) в речи ребенка, воспитывающегося в римской патрицианской семье – дед маленькой Паулы был великим понтификом, т. е. принадлежал к той части римской аристократии, которая упорно держалась за старые традиции – остается вообще загадкой и приходится предположить, что язык низов, койне (или *mixta* в терминологии Исидора Севильского), уже достиг самых высоких слоев римского общества. На повсеместную диглоссию / билингвизм указывает и резкое увеличение числа вульгарно-

⁸ Cic. Ep. ad fam. IX, 21, 1: *Verumtamen quid tibi videor in epistulis? Nonne plebeio sermone agere tecum? Nec enim semper eodem modo; quid enim simile habet epistula iudicio aut contioni? Quin ipsa iudicia non solemus omnia tractare uno modo: privatas causas, et eas tenuis, agimus suptilius, capitis aut famae scilicet ornatius; epistulas vero cotidianis verbis texere solemus* 'Однако кем кажусь я тебе в своих письмах? Разве («Неужели» – Горенштейн) я <не> говорю с тобой простонародным языком? Не всегда ведь одним и тем же образом. И, право, что сходного между письмом и речью в суде или на народной сходке? Более того, даже судебные дела я не веду все по одному способу. Частные дела и притом легкие я излагаю более просто; дела о гражданских правах или о добром имени – более краснó; письма же я обычно тку из обыденных слов' (Горенштейн 1951, III: 41).

латинских глосс, т. е. таких случаев, когда писатели намеренно употребляют народные слова, ср. пример из комментария к Псалтыри бл. Августина: Aug. Enarr. in Psalm. 138, 20 *Quod vulgo dicitur ossum, Latine os dicitur* (т. е. *ōs, ōssis* ‘кость’, а не *ōs, ōris* ‘рот’, ‘лицо’). Первые примеры таких глосс появляются уже у Сенеки Младшего⁹; в сочинениях бл. Иеронима слов, сопровождающихся пометой *vulgo* и т. д. насчитывается до полусотни. Попадают глоссы и у бл. Августина. Одну из них он характеризует как «вульгарное и нелатинское, но очень подходящее слово»¹⁰. Им оказывается такое сугубо латинское по составляющим его элементам прилагательное, как *caducarius* ‘эпилептик’. В другом пассаже нелатинскими объявляются такие слова, как *salvare* ‘спасать’ и *Salvator* ‘Спаситель’, но автор признает, что они вошли в латынь благодаря победе христианства¹¹. Встает вопрос: если *caducarius*, *salvare*, *Salvator* слова нелатинские, то какому языку они принадлежат? Разумеется, языку народа, романской койне.

IV. Наш последний автор – аноним: мы не знаем, кто именно из учеников умершего в 449 г. архиепископа г. Арль (Галлия) Илария составил его житие, где, между прочим, рассказывается, что Иларий был человеком удивительной учености и блестящим проповедником – современники ставили его едва ли не выше бл. Августина – но когда на его проповедях присутствовал только простой народ, он говорил с ними простым языком:

⁹ Sen. Epist. 39, 1: *ratio... quae nunc vulgo breviarium dicitur, olim, cum Latine loqueremur, summarium vocabatur.*

¹⁰ Aug. De vita beata II, 20: *...vulgari quidem et male Latino, sed aptissimo sane... verbo.* Выражение *male Latinus* надо понимать в смысле «нелитературный», «некорректный», см. OLD 1006 s.v. *Latinus* 2 b «belonging to or written in good Latin», где приводится пародия на Verg ecl. I, «*cuium pecus*» *anne Latine?* (Fragmenta poetarum Latinorum ed. Morel. Leipzig [Teubner] 1927, 104, 2. Так как подобный узус встречается уже у Марциала (Mart. II, 8, 2: *sive obscura nimis, [verba]*), то мы можем отнести это свидетельство ко второму (II) разделу.

¹¹ Aug. serm. 299, 6, vgl. G. Reichenkron 1965: 94. «Спасать» в классической латыни – *servare*.

1. Vita S. Hilarii Arelatensis, cap. XI (14): *Si peritorum turba defuisset, simplici sermone rusticorum corda nutriebat*¹² «Если мало было (в церкви) образованных людей, он (св. Иларий) насыщал сердца необразованных простонародной речью».

Аналогичный случай имел место и на Востоке: по преданию, однажды во время проповеди св. Иоанн Златоуст был прерван простой женщиной, понимавшей его речь только наполовину; тогда он специально для нее стал говорить на народном языке¹³. Этот факт приводится как доказательство греческой диглоссии уже в IV в. н. э.¹⁴, но отсюда следует, что и латинская диглоссия / билингвизм тоже должна в таком случае датироваться, по крайней мере, V в. н. э. – это *terminus ante quem*. Но здесь сыграло важную роль весьма курьезное обстоятельство: Дюканж, первым обнаруживший вышеприведенный пассаж из жития Илария, спутал последнего с гораздо более известным Иларием Пуатевинским (300–367 – его житие составил бл. Гонорат Марсельский)¹⁵ и эта злосчастная описка явилась причиной полного игнорирования этого важного свидетельства в научной литературе.

Ввиду недостатка времени я не смогу что-либо сказать о римских грамматиках, в частности об одном пассаже из Исидора Севильского, содержащем, на мой взгляд, совершенно сенсационные сведения. Вывод, однако, уже очевиден. Латино-романская диглоссия / билингвизм может считаться достаточно ясно засвидетельствованной для IV–V вв. н. э., а ее ранняя стадия развития прослеживается уже в I в. н. э. (а возможно и раньше). Этот вывод, полученный в результате источниковедческого анализа, лингвистам следует не только воспринимать как исто-

¹² Ducange, Praefatio, cap. XXVIII, pp. XXIV b (i), XXV a (d); Migne, PL 50, 1231, cap. XI (14).

¹³ На эту легенду ссылается такой специалист как Р. Броунинг (Browning 1983: 50, n. 37), но точное место указать непросто, см.: Schmitt 1983: 554–586, особенно 559, A. 8.

¹⁴ Zgusta 1980: 121–146, особенно 130; Browning 1983, loc. cit.

¹⁵ Ducange, op. cit., Praef. XXXVa: (sermo) nudus ac simplex, quem admodum etiam appellatur a Lactantio, sed et ab Honorato Massiliensi in Vita S. Hilarii Pictaviensis: «*Si peritorum turba* etc.». Но указанный пассаж взят из Vita S. Hilarii Arelatensis, cf. Migne, PL 50, 1231.

рический факт, но и пытаться со своей стороны подтвердить и уточнить: дело, таким образом, за романской компаративистикой.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Oblitas Latio (Cic. fam. IX, 15, 2)

Cic. Ep. ad fam. IX, 15, 2: *Ego autem...mirifice capior facietis, maxime nostratibus, praesertim cum eas videam primum oblitas Latio tum, cum in urbem nostram est infusa peregrinitas, nunc vero etiam bracatis et transalpinis nationibus, ut nullum veteris leporis vestigium appareat* 'Меня же... удивительно увлекают шутки и сильнее всего отечественные, особенно когда я вижу, что они были забыты в Лации – сначала тогда, когда в наш город была влита (или «влилась», как это обычно переводят – А.Ч.) иноземщина, а теперь даже носящие штаны и заальпийские народы, так что не видно и следа бывшего остроумия' (Горенштейн 1951, III: 38).

В этом известнейшем и очень важном для романистики пассаже текст явно испорчен: *obliviscor* 3 и все его формы имеют только активное значение 'забывать/забыть'. Тем не менее, традиционная интерпретация, представленная в переводе Горенштейна, на мой взгляд, правильна: переводчики, иногда как бы скользя по тексту, все же верно угадывают смысл¹⁶. Филологам обнаружить и устранить ошибку оказывается порой труднее.

Одну из первых попыток исправить текст предпринял Мадвиг в 1884 г. (Madvig 1967: 163). Он попросту заменил *Latio* на род. *Lati*: «Остроты забыли Лаций»; далее он добавлял перед *bracatis* <in> 'а теперь еще больше забывают в заальпийских племенах' (*nunc vero etiam magis obliviscuntur in Transalpinis nationibus*). Последнее добавление, на мой взгляд, излишне: какое дело Цицерону до того, как говорят в Галлии? Я предпочел бы понимать аблятивы как эллипс: <infusis> *bracatis* etc., т. е. 'а теперь нам еще добавили этих галлов'. Примерно так понимает это место Шеклтон Бейли, но он вставляет гораздо больше ...*nationibus* <additis ita demersas>, ut (Cic. Fam. 350 ad

¹⁶ Ср. Defresne в *Oeuvres de Cicéron*, t. V (Collection Nisard). Paris 1843, 430: «...surtout lorsque je vois ce cachet se perdre dans le Latium».

∞ Оглавление ∞

Предисловие.....	5
Часть 1	
СВИДЕТЕЛЬСТВА ЯЗЫКОВОГО СДВИГА	
Глава I. Языковая ситуация в древнем Риме: сообщения древних авторов.....	9
Глава II. Romanus, romanicus, *romanice.....	19
1. Краткая история сложной проблемы.....	20
2. Размышления и соображения.....	27
Глава III. Vulgo и sermo vulgaris.....	36
1. Республика и Империя.....	36
2. Средние века.....	40
3. Sermo vulgaris = lingua theotisca.....	45
4. Lingua vulgaris – δημοτική.....	47
5. Vulgaris в современной романистической терминологии.....	49
Глава IV. Sermo rusticus.....	51
Глава V. Секст Помпей и sermo barbarus (Vell. II 73, 1 <i>studiis rudis, sermone barbarus</i>).....	57
Глава VI. Simplex (contio, oratio, verba etc.) у Аммиана Марцеллина и в поздней латыни.....	68
Глава VII. Периодизация латыни у Исидора Севильского (Isid. Etymol. IX, 1, 6–7).....	74
А. Введение.....	74
Б. Комментарий.....	75
В. Датировка и авторство.....	86

Часть II
PARERGA

Глава VIII. Грамматик Виргилий Марон и его 12 Latinitates.....	93
Глава IX. Языковая ситуация в древнем Риме (по поводу диссертации Р. Мюллера «Языковое самосознание и языковая вариативность в латинской письменности древности»).....	109
Глава X. Graeci в Аквитании в начале V в. н. э. (Consent. De barb. et metapl. 17,1 Niederm. = GL V, 395, 3–7 ed. Keil) и датировка общерумынской палатализации t+i.	116
Глава XI. Praefatio (Предисловие) Дюканжа «De causis corruptae Latinitatis» (1678).....	122
Заключение	139
Приложение. Языковая ситуация в Римской империи. Lingua Romana –*romanice.....	151
Библиография	157

Научное издание

А. Б. Черняк

**ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ
В РИМСКОЙ ИМПЕРИИ:
свидетельства древних авторов
и раннероманских глоттонимов**

Подписано в печать 20.01.2015. Формат 60×90 ¹/₁₆
Бумага офсетная. Печать офсетная
Усл.-печ. л. 11,0
Тираж 500 экз. Заказ № 4223

Издательство «Нестор-История»
197110 СПб., Петрозаводская ул., д. 7
Тел. (812)235-15-86
e-mail: nestor_historia@list.ru
www.nestorbook.ru

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии издательства «Нестор-История»
197110 СПб., Петрозаводская ул., д. 7
Тел. (812)622-01-23